

ФРАНЦУЗСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ 1812 ГОДА В КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Т.А. Вишленкова

Война 1812 г. как феномен интересна тем, что в ней взаимодействовали, вступили в культурный, идеологический, эмоциональный конфликт–диалог русские и французы, носители “культуры-донора”. Трагические события тем не менее способствовали более широкому, чем в мирное время, знакомству россиян с французами. Особое значение эти контакты имели для провинциального общества. Если до войны местом сосредоточения французов в России были Москва и Санкт-Петербург (так как именно там можно было наблюдать русскую жизнь во всем ее многообразии), то после войны часть военнопленных осела в столичных губерниях.

Однако, прежде чем говорить об отношении русского общества к французским военнопленным и об особенностях их восприятия, в частности казанским обществом, попытаемся охарактеризовать социальный и культурный состав тех французов, которые населяли Россию до войны 1812 г. Это позволит лучше понять ту сложную психологическую ситуацию, в которой оказалось русское дворянство, столкнувшееся с представителями старой и новой Франции.

Массовое переселение французских эмигрантов в Россию началось примерно в середине XVIII в. Некоторые из них прочно обосновались на новом месте, обретя здесь вторую родину и семью. Другие приезжали на время, будучи приглашены в дома русской знати или влекомые любопытством и духом авантюризма. Одни эмигранты вращались в салонах, другие открывали пансионы, третьи – магазины и парикмахерские. Соответственно быт столиц был особенно подвержен влиянию французской культуры.

Так, М.Д. Бутурлин вспоминал, что в 1813–1814 гг., в пору его детства, в их петербургском доме часто бывали “осколки” французской аристократии, как правило убежденные роялисты. Среди них Бутурлин называет графа Модена и графа Армана Сен-При, маркизу де ла Тур д’Оверн, Родольфа де Местра, “офицера нашей гвардии и сына пресловутого писателя и ультрамонтана графа Иосифа де Местра”¹.

¹ Бутурлин М.Д. Записки // Русский архив. 1897. Кн. 1. № 2. С. 404. Автор “Записок” – сын Д.П. Бутурлина (1790–1849), генерала, участника войны 1812 г., в свою очередь, ав-

Случалось, заходили монахи-иезуиты, некоторые из них были французами, преподавателями Петербургского благородного пансиона. Общение с ними, по мнению Бутурлина, в немалой степени способствовало переходу петербургских аристократок, в частности его матери и сестры, в католицизм.

Другой мемуарист, Ф.Ф. Вигель (1786–1856), вспоминал, что в молодости подсмеивался над жившими в Петербурге старыми и напыщенными виконтами, шевалье и маркизами, но искренне симпатизировал младшему поколению французских эмигрантов. Многие из них поступили на русскую службу. Молодым русским дворянам нравилась их преданность старой Франции. “В них, – писал Филипп Филиппович, – было нечто девственно-религиозно-мужественное; видно было, что они хотели осуществить собою тот идеал совершенства древних рыцарей, который представляли романы, но который история так жестоко заставляет исчезнуть”. Они были “достойны уважения, любезны и привлекательны”, что укрепило в Вигеле любовь к старой Франции, ее культуре и вызвало ненависть к наполеоновскому режиму: “Я упивался злостью против Бонапарта, офицеришки, который не дерзал еще тогда возсесть на престол Людовика Четырнадцатого, но уже шел к нему большими шагами”².

Тайно или явно спасавшимся в России от бурь революции французам русские дворяне подражали, общение с ними накладывало отпечаток на культуру столичного света. Это был во многом позитивный диалог. Другой характер обрели контакты русских дворян с французами, приехавшими в Россию из новой Франции. Тот же Вигель описал встречу наполеоновского генерала Савари с петербургской знатью, принявшей его “с той убийственной учтивостью, в которой она такая мастерица и которой тайна ей одной известна”³. Представителей “республиканско-имперской аристократии” свет считал отпрысками обогатившихся плебеев, которые незнанием светского обращения, манерами, разговорами смешали завсегдатаев петербургских салонов.

Пребывание французов-эмигрантов явно отразилось и на внешнем виде Петербурга: вывески на магазинах стали писать, как правило, на двух языках – русском и французском; Невский проспект в начале XIX в. так и пестрел франкоязычной рекламой.

Москвичи чаще соприкасались с эмигрантами из средних социальных слоев – французскими учителями, офицерами, гувернерами и ремесленниками. Но в отличие от Петербурга отношения французских эмигрантов с москвичами складывались непросто. Они явно обострились в период войны 1812 г. и после нее. Это наглядно иллюстрируют письма французских эмигрантов из Москвы, а также переписка и дневники представителей московского дворянства.

тора “Военной истории походов россиян в XVIII столетии”, написанной по-французски. В русском переводе А. Хатова и А. Корниловича вышла в свет в 1819–1823 гг. (СПб., Ч. 1–4).

² Вигель Ф.Ф. Записки. М., 1865. Ч. 2. С. 31.

³ Там же. Ч. 3. С. 7–8.

Например, из сохранившегося в Российском государственном историческом архиве фрагмента письма (не датированного) некоего коммерсанта Жибе парижскому приятелю Массакру узнаем, как нелегко этому французу живется в Москве, где и полиция и обыватели относятся к нему с подозрением. Когда Жибе переселился в Россию, из фрагмента неясно, само письмо, судя по содержанию, относится к лету 1812 г. “Нас уверяют, – писал Жибе, – что наша армия умирает от голода; мы было хотели послать туда бульонные брикеты, но это сопряжено с большим риском; за нами следят; боясь быть забитыми мужиками, мы с радостью присягу. И вот мы русские...”⁴

Сохранившиеся письма москвичей того времени подтверждают рассказ Жибе. Война 1812 г. породила не только патриотизм, но и галлофобию и ксенофобию. Яркие тому свидетельства содержат, в частности, письма Марии Аполлоновны Волковой, представительницы старинного рода, подруге В.И. Ланской в Петербург. Ко времени прихода французской армии в Москву семейство Волковых переселилось в Тамбов. Письма М.А. Волковой, датированные 1812 г., проникнуты чувством глубокой ненависти к французам. При этом переписка велась исключительно на французском языке. По словам корреспонденток, галлофobia тогда охватила не только дворян, но и третье сословие.

22 июля Волкова писала из Москвы: “Спокойствие покинуло город. Третьего дня чернь чуть не побила камнями одного немца, принял его за француза”. 15 августа: “Народ так раздражен, что мы не осмеливаемся говорить по-французски на улице. Двух офицеров арестовали: они на улице вздумали говорить по-французски; народ принял их за переодетых шпионов и хотел поколотить, так как не раз уже ловили французов, одетых крестьянами или в женскую одежду, снимавших планы, занимавшихся поджогами и предрекавших прибытие Наполеона, словом смущавших народ”⁵.

Видимо, необходимость покинуть Москву, утрата прежних связей, возможно, потеря дома подвигли Волкову к рассуждениям о варварстве, свойственном французской нации вообще. Характерно, что эти мысли сопровождались раскаянием в том, что русские дворяне так доверчиво воспринимали культуру этой нации, без опасения и разбора подражая всему французскому.

Уже из Тамбова она писала 17 сентября: “Когда я думаю серьезно о бедствиях, причиненных нам этой несчастной французской нацией, я вижу во всем Божию справедливость. Французам обязаны мы развратом; ...мы приняли их пороки, заблуждения, в скверных книгах их почерпнули мы все дурное. Они отвергли веру в Бога, не признают власти, и мы, рабски подражая им, приняли их ужасные правила, чванясь нашим сходством с ними, а они и себя, и всех своих последователей влечут в бездну”⁶.

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 759. Оп. 1. Д. 264. Л. 62.

⁵ Грибоедовская Москва в письмах М.А. Волковой к В.И. Ланской (1812–1818 гг.) // Вестник Европы. 1874. Т. VIII. С. 587.

⁶ Там же. С. 597.

По мнению Волковой, патриотизм, столь свойственный москвичам, недостаточно силен в петербуржцах, которые продолжают посещать французский театр. Естественный и невинный в других обстоятельствах факт вызывает в ней бурю негодования: “Что же такое Петербург? Русский ли это город или иноземный? Как это понимать, ежели вы русские? Как можете вы посещать театр, когда Россия в трауре, горе, развалинах и находилась на шаг от гибели? И на кого смотрите вы? На французов, из которых каждый радуется нашим несчастьям!”⁷

Вероятно, эвакуированные из столицы москвичи перенесли с собой в провинцию негативный заряд, способствовали отторжению прежних культурных идеалов. Описывая атмосферу провинциального Тамбова 1812 г., Волкова с удовольствием отмечает, что местные дворяне перестали изъясняться по-французски, а “крестьяне лишь только услышат, что говорят на иностранном языке, сейчас же корчат грязную гримасу”⁸.

Такое же отношение к французам и ко всему французскому простые люди демонстрировали в других городах России во время войны 1812 г. Так, друзья семейства Волковых Шаховские рассказывали им, что, возвращаясь с Кавказа, они всю дорогу до Тамбова опасались по привычке заговорить по-французски, если же это случалось, то “мужики сейчас спрашивали их, не из тех ли они негодяев, которые грабят Россию и Москву”⁹.

Собственно, в непосредственные контакты с французскими эмигрантами обитателей провинциальных городов заставили вступить лишь обстоятельства военного времени 1812–1813 г.

Очевидно, что удаленность от столиц всегда сказывалась и сказывается на развитии провинциальной культуры. Без учета особенностей провинциальной жизни и менталитета социокультурный портрет русского дворянства на адекватность претендовать не может. Но было бы ошибочно, объединив всю территорию империи под общим понятием “провинции”, проигнорировать факторы, влияющие на различие культур регионов. Несомненно, области, примыкающие к Москве и Петербургу, в большей степени испытывали их влияние, нежели дальние, “глухие” районы.

На восприятии французской культуры казанским обществом первой четверти XIX в. отражались не столько особенности национального состава региона, сколько культурные изменения – следствие реформ Александра I, прежде всего в области образования.

В 1804 г. в Казани был открыт университет – событие, значение которого трудно переоценить. Впрочем, по утверждению Н.К. Пиксанова, казанское культурное гнездо начала века было многолюдным, организованным и выдающимся не только благодаря наличию университета, но и благодаря литературному центру в Духовной академии, ти-

⁷ Там же. С. 614.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

пографии и книжной лавке, а также салонам Панаевых, Зиновьева, Москотильникова¹⁰. С 1811 г. здесь издавалась одна из первых провинциальных газет “Казанские известия”.

Побывавшую в начале века в Казани французскую принцессу Тарентскую казанское общество поразило приобщенностью к европейской (прежде всего французской) культуре. Она записала в путевом дневнике: “Вот я и в Казани, что меня поражает, так это то, что здесь, как и повсюду, нет ничего азиатского, а все европейское”¹¹. Как и столичное, провинциальное дворянское общество было иерархическим и неоднородным. В губернских и уездных городах был свой “свет” из чиновников и помещиков. Однако уровень их образования был, как правило, ниже, чем в столицах. Образованные люди, желавшие сделать карьеру или ощущавшие себя в интеллектуальном тупике, стремились вырваться из провинции, дабы иметь доступ к достижениям европейской науки и культуры. Несоответствие культурных запросов и действительности гнало их в столицы, где это несоответствие было не столь очевидным.

Провинциальный бомонд, пытаясь скопировать одновременно европейские и петербургские образцы, как правило, не улавливал между ними разницы. Столица воспринималась как символ европейской жизни. Своего рода психологическую зарисовку этого явления дал А. Лебедев: «Словно вода из сита теряется по пути столичные знания и науки; вместо них доходят лишь туманные образы, придающие отношению провинции к столице горькую и в то же время идиллическую окраску. Столица почти всегда ускользает, оставаясь для провинции манящим, но недостижимым “там”»¹².

Но был в истории России первой четверти XIX в. момент, когда границы между столичной и провинциальной субкультурами стали более прозрачными. Это Отечественная война 1812 г. Массовая миграция населения привела к интенсивному и тесному общению представителей различных социальных слоев. Ю.М. Лотман так писал об этом времени: “Облик провинции 1812 года резко отличается от ее каждодневности. Большое число жителей Москвы отхлынуло в провинцию: те, кто имел поместья в Саратовской губернии, на Украине, в Орловской или Курской губерниях, направлялись в свои вотчины, чаще – в близкие к ним губернские города: время настраивало на общественность и люди предпочитали оседать группами, собираясь вместе”¹³. Прилив в провинцию столичных жителей оживил ее. Отличительной чертой 1812 г. стало стирание резких противоречий между столичной, погруженной в политику жизнью и “вековой тишиной” жизни провинциальной.

¹⁰ Пиксанов Н.К. Областные культурные гнезда: Историко-краеведческий семинар. М.; Л., 1928. С. 81–83.

¹¹ ГАРФ Ф. 706. Оп. 1. Д. 9. Путешествие в Казань. Письма в форме журнала принцессы Тарентской к графине Головиной. 1806. Л. 5.

¹² Лебедев А. Живописное убранство интерьера в русской провинции второй половины XVIII – первой половины XIX века: Опыт реконструкции // Вопр. искусствознания. 1995. № 1/2. С. 274.

¹³ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства XVIII – начала XIX века. СПб., 1994. С. 326.

Иностранцы, опасаясь погромов, тоже спешили покинуть Москву. Московский генерал-губернатор Ф.В. Растворчин с удовлетворением отмечал: “Кузнецкий мост обрусл, и вместо Викторины Пеш, Антуанетты Лапотер и лавок à la Corbeille au temple du bon goût торгуют Карл Мойков, Доброхотов и пр.”¹⁴ Кроме того, из письма попечителя Московского учебного округа П.И. Голенищева-Кутузова министру просвещения А.К. Разумовскому известно, что за две недели до вхождения в Москву армии Наполеона оставшиеся там французы по приказу того же Растворчина были высланы во внутренние губернии страны¹⁵.

Послужные списки ряда французских преподавателей в провинциальных училищах Казанского учебного округа также позволяют предположить, что именно приближение французов к Москве вынудило их переселиться в губернские города. Типичными для послевоенного времени являются документы преподавателя тамбовского Главного народного училища Давида Жирардена и учителя пензенской гимназии Ивана Д’Андюза.

Д. Жирарден был сыном француза, содержавшего в Петербурге пансион для мальчиков. В 1810 г. он числился среди учеников пансиона, а в 1813 г. 15-летний юноша поступил копиистом в казенную палату Тамбова¹⁶. Француз Иван Баптист Д’Андюз из Белера прибыл в Россию в 1802 г. и “партикулярным образом” учил детей московских дворян¹⁷. Из дела известно, что среди его учеников были дети действительного статского советника А. Ермолова, маркиза Галло и киевского губернатора Иосифа Понятовского. После войны он числился среди чиновников Пензы. В Казани оказалась содержательница московского пансиона для девочек Софья Юнгвальд¹⁸. Потеряв во время пожара в Москве состояние, она нашла в себе силы начать все заново и открыла в Казани частную школу.

Среди архивных документов 1813–1815 гг. нередко встречаются запросы российских французов, разыскивавших бежавших или взятых в плен “по ошибке” родственников, например запрос жены московского купца Ивана Прори. В начале 1814 г. она писала в министерство полиции, что муж ее бежал из Москвы, по дороге был схвачен казаками и в числе пленных отправлен в Нижний Новгород, затем след его потерялся¹⁹.

В восточные губернии отправляли группы военнопленных наполеоновской армии. Несмотря на неразбериху, которая естественна для войны, власти пытались держать под контролем миграционные пото-

¹⁴ Ф.В. Растворчин – издателю “Русского вестника” // Казанские известия. 1813. № 24. С. 12.

¹⁵ П.И. Голенищев-Кутузов – А.К. Разумовскому // Васильчиков А.А. Семейство Разумовских. М., 1880. Т. 2. С. 394.

¹⁶ Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 92. Оп. 1. Д. 1070. Об утверждении Жирардена учителем французского и немецкого языков, 25 октября 1820 г.

¹⁷ Там же. Д. 1069. Об утверждении Диандюзи учителем французского языка в пензенскую гимназию, 17 октября 1829 г. Л. 2.

¹⁸ Там же. Д. 987. О содержателях пансионов в Казанском учебном округе. Л. 1–42.

¹⁹ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Указы Сената в Канцелярию казанского гражданского губернатора за 1814 г. Л. 102.

ки, собирая данные о переселенцах и пленных. Этим занималась Особенная канцелярия министерства полиции, рассылая в губернии соответствующие запросы, заводя специальные ведомости на военнопленных и составляя именные списки на генералов, штаб- и обер-офицеров.

Постепенно в восточной части империи образовались своеобразные центры “французской эмиграции”. “Казанские известия” почти еженедельно сообщали о прибытии очередной партии французов. Так в № 27 за 1813 г. читаем, что 29 июня “в Казань прибыли... из Орла 10 кл[асса чиновник] Роговский с военнопленными французскими штаб- и обер-офицерами, всего 19 человек”. И далее: “остановились они в Суконной слободе. 13 августа газета информировала о прибытии “из Твери унтер-офицера и троих рядовых из 280 военнопленных французской службы”, которых тоже разместили в Суконной слободе, очевидно, на постоялом дворе, принадлежавшем мануфактурщику Осокину²⁰.

В начале 1813 г. в Казань из министерства полиции пришел запрос о количестве и списках расквартированных пленных. Гражданский губернатор Борис Александрович Мансуров обратился в университетский совет с просьбой прислать к нему чиновника, знающего немецкий и французский языки. Совет направил к нему лектора гимназии и университета И.Ф. Лейтера, которому был выдан ордер, предписывающий явиться в губернскую канцелярию “для рассортирования оставленных... в городе и близ оного в уезде французских военнопленных”. Этим Лейтер должен был заниматься “в свободные от учения как в гимназии, так и в университете часы”²¹.

Однако отчет об этой работе представил не Лейтер, а учитель гимназии Николай Упадышевский. Вероятно, губернатор решил поручить это дело не иностранцу, а человеку безукоризненной (с точки зрения политической благонадежности) репутации. 12 февраля 1813 г. Упадышевский известил директора гимназии И.Ф. Яковкина, что задание выполнил. К рапорту был приложен “именной список и ведомость, каковые и г-ну гражданскому губернатору предъявил”²².

В списке военнопленных, размещенных в Казанском уезде, значились 254 человека, в том числе 8 офицеров, на них была составлена отдельная ведомость. Из этих 8 только один был французом – лейтенант французской пехоты Антон Гресс. Среди солдат 97 человек были из французских войск, 28 – из итальянских, 52 – из испанских, 27 – из прусских, 18 – из австрийских, 4 – из польских, 3 – из баварских, по 6 – из португальских и иллирийских, 1 – из саксонских.

Большую часть пленных (183 человека) составляли пехотинцы. Два пленных француза – Франциск Лапонд и Людовик Уллей были сержантами французской конницы; Александр Терпон и Гаспар Гилотон –

²⁰ Казанские известия. 1813. № 27. С. 8; № 33. С. 8; НАРТ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 2. Описание домов, принадлежащих владельцам г. Казани, 1796.

²¹ НАРТ. Ф. 977. Оп. “Совет”. Д. 71. Переписка попечителя Казанского учебного округа с казанским губернатором и Советом университета о направлении к губернатору переводчика с немецкого и французского языков для работы с военнопленными, январь 1813 г. Л. 1 об. – 2, 3.

²² Там же. Л. 4.

капралами пехоты; Иван Пуель – капралом в коннице; Иван Лонг и Филипп Бербо – барабанщиками²³.

В ведомостях указаны национальность пленных и род занятий в мирной жизни. 27 человек являлись представителями третьего сословия: 4 сапожника, 3 буточника, 5 каменщиков, 2 кузнеца, 4 ткача, 3 мельника, 2 портных, 2 столяра, 2 “сидельника”. Были люди и более “тонких” профессий: садовники Эврик Зегро и Степан Жирард, парикмахер Госпер Шелеп, каретник Юlian Мефре, трактирщик Иван Шарбю и даже “золотых дел мастер” Севастьян Бланшо. Среди пленных других национальностей встречались виноделы, пивовары, сырodelы, обойщики.

Появление в городе пленных нарушило привычный ритм провинциальной жизни и доставило немало дополнительных хлопот властям. Казанское общество отнеслось к ним, как принято теперь говорить, неоднозначно. С одной стороны, часть обывателей считала их оккупантами, повинными в пожаре Москвы. Опасаясь распространения франкофобских настроений, правительство предписало казанскому, уфимскому, саратовскому губернаторам велеть земской и городской полиции следить, “дабы обыватели обходились с ними (с пленными). – Т.В.) ласково и человеколюбиво”. Впрочем, и пленные должны были вести себя “тихо и добродорядочно”. Видимо, как у тех, так и у других это получалось не всегда. Слухи об обидах, которые чинят пленные обывателям в местах, через которые их ведут, доходили до Петербурга. Некоторые пленные бежали, занимались воровством, совершали иные преступления²⁴.

С другой стороны, для провинциалов пленные французы были представителями страны, которой многие из них восхищались с детства. Поэтому немалая часть французов была принята и обласкана в домах местных дворян. О такой тенденции в отношении к пленным местного населения с гневом писал бывший московский генерал-губернатор Ф.В. Растиопчин: “После всех адских деяний французских разбойников, после очевидных плодов разврата, ими посеянного в душах, сердцах и умах, пристрастие к ним не довольно не исчезло, но еще усилилось от учитываго какого-то сострадания к нещастным, с восклицаниями на их языке. Некоторые по губерниям взяли в услужение французских солдат, забыв, что руки, подающие им пить и есть, грабили, убивали... Но заблуждение, ослепление и пагубное пристрастие столь сильны, что и 1812 г. не может искоренить сих действий нравственного магнита, притягивающего нас к французам”²⁵.

Но несмотря на старание официальной прессы и франкофобов возбудить к французам и их культуре неприязнь, провинциальные журналисты не могли не отмечать благословенное отношение обывателей к пленным. Например, редактор “Казанских известий” поместил в одном

²³ Там же. Л. 5–9.

²⁴ НАРГ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12. Указы Правительствующего сената, декабрь 1812. Л. 32; Т. 2. Указы Правительствующего сената, май 1813. Л. 320.

²⁵ Ф.В. Растиопчин – издатель Русского вестника // Казанские известия. 1813. № 24. С. 11.

из номеров такое четверостишие местного острослова:

Как в нынешнюю войну
Успехи переменны:
У Россов Галлы в полону,
А ими Россиянки пленны!!!²⁶

Некоторые из вернувшихся на родину военнопленных оставили воспоминания о пребывании в российском плену. Естественно, что тон и стиль этих записок во многом зависели от условий жизни конкретного пленного в том или ином городе. Книга одного из них, вернувшегося во Францию из Казани в 1817 г., называлась “Путешествие пленного французского офицера по азиатским границам Российской империи” (о ней в 1818 г. сообщали “Казанские известия”). Настроенный явно критически, автор писал: “Русские не способны делать большие успехи в науках, требующих точности. Я очень коротко был знаком с доктором F., профессором в Казанском университете, это человек, преданный сему заведению. Он уверял меня, что, преподавая двенадцать лет свои лекции, не может образовать ни одного надежного *репетитора* (преемника. – Т.В.)”²⁷.

Однако гораздо чаще в воспоминаниях бывших пленных запечатлен восторг от знакомства с “восточной окраиной Европы”, как тогда называли европейцы Российскую империю. Впечатления этих людей, живших в естественной, непарандной обстановке, среди “погруженных” в заботы обывателей, особенно ценные, ибо исходили от лиц, непричастных к официозу.

Ожидание увидеть дикарей и испытать тяготы “восточного” пленя сменилось удивлением. Поражало многое – прежде всего знание большинством дворян французского языка, европейской культуры – одним словом, образованность. «Если вас интересует литература, – сообщал современникам один из вернувшихся в Париж офицеров, – вы найдете в библиотеке Энциклопедистов, Мармонтеля, Буало, Мольера, “Новую Элоизу”, Расина: в Астрахани вам покажут даже “переписку в духе Фонтенеля между Корнелем и Расином”, и если вы вступите с хозяином в литературный спор, еще неизвестно, за кем будет последнее слово»²⁸.

Получив из Петербурга указание заботиться о пленных, провинциальное дворянство с радостью начало его выполнять, приглашая офицеров на обеды и ужины и стараясь соблюдать при этом максимум такта. Некий Руа вспоминал, что в Саратове был приглашен на бал в честь победы над Наполеоном, но никто в его присутствии не упомянул о поводе праздника. Сам стиль приема в этом небольшом городе так напомнил ему французский, что он не удержался от восклицания: “Можно подумать, что я оказался в одном из лучших салонов Парижа!”²⁹

²⁶ Там же. № 30. С. 3.

²⁷ Там же. 1818. № 61.

²⁸ Voyage d'un officier français prisonnier... Р., 1817.

²⁹ Roy. Les Français en Russie: Souvenirs de la campagne de 1812 et de deux ans de captivité en Russie. Tours, 1856.

Вероятно, в провинциальных городах пленные нередко встречали давно осевших в России соотечественников. Некоторые обрели здесь вторую родину и не собирались возвращаться в разоренную, терзающую гражданской войной Францию.

Судить о том, как российское правительство заботилось о военно-пленных, позволяют документы, отложившиеся в фонде Канцелярии казанского гражданского губернатора Национального архива Республики Татарстан (НАРТ). В основном это циркуляры, которые регламентировали порядок прохождения пленных через губернии, снабжение их (насколько позволяла казна) продовольствием и одеждой, обеспечение медицинской помощью.

С наступлением в ноябре 1812 г. холодов губернатор получил предписание снабдить пленных зимней одеждой: чтобы “одежда им доставляемая была прочная и от стужи сберегающая, а в то же время и интерес казенный соблюден”³⁰. Одежду давали самую обычную, крестьянскую, но теплую – шапки, полуушубки, кафтаны, рукавицы, лапти и т.п. Офицерам выдавали туалеты и шинели, а кроме того, деньги. Нижним чинам полагалось по 15 коп. ежедневно.

Стараясь сократить издержки на содержание пленных, министерство полиции стремилось использовать их на гражданских работах. Вспомнили, что они не всегда были солдатами, что есть среди них художники, мастеровые и работники, “которые с пользою могут быть употреблены на фабриках и заводах наших”, что им и предлагалось за “обыкновенную плату или содержание”. Военнопленных из крестьян планировалось расселить “среди колонистов Саратовской и Екатеринославской губерний”. Не пожелавших заняться производительным трудом следовало употребить “для восстановления разрушенныхвойной городов”³¹.

Особенно не хватало врачей – не только для российских нужд, самим пленным требовалась медицинская помощь. От военных невзгод, непривычно холодного климата, тяжелых бытовых условий, скученности среди них свирепствовали болезни и эпидемии. Из отправленных в Казань в начале 1813 г. 254 пленных 5 умерли в дороге, многие болели. Из преподавателей медицинского факультета Казанского университета была создана комиссия для пресечения эпидемии “гнилой горячки”, но этого было явно недостаточно. Потому циркуляром министра народного просвещения графа А.К. Разумовского от 16 июля 1814 г. предписывалось проводить испытания врачей из военнопленных по “облегченной” программе, требуя познаний только в чисто медицинских предметах³².

³⁰ НАРТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Указы Правительствующего сената, ноябрь 1812. Л. 983, 957.

³¹ Там же. Д. 12. Указы Правительствующего сената, декабрь 1812. Л. 61–61 об.

³² Там же. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 71. Переписка попечителя Казанского учебного округа с казанским губернатором и Советом университета о направлении к губернатору переводчика с немецкого и французского языков для работы с военнопленными, январь 1813. Л. 5; Д. 110. Распоряжение министра народного просвещения и попечителя Казанского учебного округа о порядке проведения экзаменов на звание лекаря для французских военнопленных, желающих вступить в российское подданство, 4 августа 1814. Л. 4; Загоскин Н.П. История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования, 1804–1904. Казань, 1907. Т. 1. С. 406–407.

Таким образом, часть пленных французов нашли себе применение в провинции. Видимо, у некоторых из них жизнь в России складывалась довольно успешно. Поэтому, когда после заключения Парижского мирного договора 1814 г. пленным разрешили вернуться на родину, многие предпочли остаться и принять российское подданство. Так как во время пожара 1815 г. архив казанского губернатора сгорел, точных списков тех, кто пожелал остаться в Казани, не сохранилось. По косвенным свидетельствам можно заключить, что Б.А. Мансуров принял присягу от 12 человек.

В марте 1814 г. лектор Лейтер подал в университетский совет французский перевод присяжного листа. В сопроводительном рапорте он писал, что, не имея писца, не может представить 12 требуемых экземпляров присяги, поэтому отдает совету оригинал перевода. Письмоводитель университета к его рапорту сделал приписку, что остальные 11 экземпляров изготовлены и отправлены губернатору³³.

Желавшие остаться французы должны были подать о себе подробные сведения, по которым составлялись особые списки. К присяге не допускались “люди вредные или подозрительные”. Тем, кто присягнул, выдавали паспорта с указанием назначенного места жительства. Жить в обеих столицах империи, даже временно, им запрещалось³⁴.

В столицах могли жить лишь высшие чины наполеоновской армии. Так, оказавшийся в Казани генерал Бойе пожелал поступить на русскую службу. В ответ на его просьбу главнокомандующий в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинов в августе 1814 г. предписал казанскому гражданскому губернатору “объявить пленному генералу Бойе, что если он и теперь не переменил своего намерения остаться в России и вступить в нашу службу, то можно прибыть в Санкт-Петербург”³⁵.

13 мая 1814 г. по губернским правлениям было разослано “Распоряжение об отправлении в отчество военнопленных всех наций, в России находящихся”, с должным обеспечением их продовольствием до российских границ по рекрутской системе, т.е. должны были закупать продукты у местного населения³⁶. Вероятно, такой способ обеспечения бывших врагов в разоренных войной районах доставлял им немало хлопот. К тому же продукты в западных губерниях после войны очень вздорожали. Были назначены три пункта сбора – Радзивилов, Рига и Белосток. Итальянцев отправляли через Радзивилов; французов из восточных губерний – через Белосток.

После заключения Парижского договора правительство изменило тактику в отношении военнопленных. Когда из губерний стали поступать сведения о намерении некоторых из них остаться в России, комитет министров предписал: “Пленным французам, объявившим желание вступить в подданство России после повеления об отправлении их в отчество, отказать в присяге, на подданство России их не допускать”.

³³ НАРТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 192. Текст присяжного листа на подданство России, март 1814. Л. 3.

³⁴ НАРТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12. Указы Правительствующего сената. Л. 554.

³⁵ Там же. Д. 13. Указы Правительствующего сената. Л. 448.

³⁶ Там же. Л. 248, 250.

17 августа 1814 г. император издал указ, позволявший военнопленным, присягнувшим на подданство России, также вернуться домой³⁷.

Но воспользоваться этой возможностью захотели не все. Каждый руководствовался своими соображениями, но было в них и нечто общее. Выросшие в послереволюционной обстановке офицеры наполеоновской армии знали, что такое “красный террор”. Обласканные Наполеоном, они вполне могли стать жертвами террора победивших роялистов и ультрамонтанов.

Показательно в этом отношении дело учителя французского языка саратовской гимназии Иосифа (Осипа) Феликса, сына парламентского прокурора, родившегося в Париже 9 августа 1779 г. и крещенного в католической церкви Св. Павла. При отступлении французов в декабре 1812 г. он был захвачен в плен и отправлен в ссылку в Саратов. Как только предоставилась возможность (24 сентября 1813 г.), Феликс принял российское подданство. Через полгода женился на дочери местного воеводы А.Ф. Нестерова. Позже сдал экзамен на знание французского языка и в мае 1818 г. советом Казанского университета был утвержден в звании гимназического учителя.

Очевидно, сын прокурора, офицер имел средства, чтобы вернуться домой, и вряд ли был настолько очарован красотами Саратова, что предпочел его Парижу. Скорее всего, возвращение в монархическую Францию было чревато для него еще большими невзгодами, чем жизнь на чужбине. В рапорте попечителю Казанского округа Феликс писал: “С 1814 г. я не выезжал из Саратова... стараясь всегда исполнять возложенную на меня должность с наивозможным рачением, дабы заслужить доверенность начальства и снискать расположение здешней публики”³⁸.

Благодаря потребности русских дворян в знании французского языка многие из оставшихся в России французов занялись учителством. Впрочем, далеко не каждый француз получал право преподавать. Правительственный указ 1812 г. об испытании иностранных учителей требовал от них сдачи экзаменов на получение аттестата в университетах и гимназиях.

В фонде “Совет Университета” (НАРТ) хранится дело “О выдаче аттестата Брюйеру на право преподавания французского языка”. Начинается оно, как водится, с прошения парижанина Туссена Брюйера на имя проректора Казанского университета Г.И. Солицева о назначении экзаменаторов для испытания его во французском языке и заканчивается копией выданного аттестата, который давал право “обучать юношество французскому языку по правилам грамматики”³⁹. Это было высшей оценкой языковых знаний. Некоторым претендентам разрешали учить только чтению и разговору.

О том, что экзамен был не простым, можно судить по списку воп-

³⁷ Там же. Л. 431, 451.

³⁸ Там же. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 823. Переписка попечителя Казанского учебного округа об учителях-иностраницах, 1822 г. Л. 227.

³⁹ Там же. Д. 444. Документы о выдаче аттестата Брюйеру на право преподавания французского языка, 12 ноября 1819 г. Л. 10.

росов по грамматике французского языка, ответам на них Брюйера, равно как по его сочинению, посвященному значению наук для учительства языка. Брюйер полагал, что учитель наравне с обучением должен заниматься нравственным воспитанием учеников, иначе “они многое будут знать наизусть, не имея своего суждения”⁴⁰. Кандидат отлично справился с заданием. Его мысли произвели благоприятное впечатление на экзаменаторов, тем более что они былиозвучны политике правительства в области образования.

Итак, в целом война 1812 г. способствовала более широкому, нежели прежде, знакомству россиян с французами и их культурой. Особое значение это имело для провинциального общества.

После войны изменился социальный состав французской эмиграции в России. Среди военнопленных преобладали крестьяне и ремесленники, их контакты с россиянами имели не только элитарный, но и массовый характер.

Несмотря на враждебное отношение к Наполеону, российское общество не смогло “отречься” от французской культуры. Подтверждением тому служит отношение к пленным французам в провинции на многое более терпимое, чем в Москве; здесь их воспринимали со смешанным чувством жалости, восхищения, опасения, настороженности и, главное, с любопытством.

Многие из оставшихся в России французов легально и нелегально занимались наиболее востребованным делом – преподаванием французского языка. Изучая живой современный язык, русское общество, особенно провинциальное, с его помощью приобщалось к новым культурным и мировоззренческим ценностям. По этому поводу есть замечание графа В.А. Соллогуба: “Наполеоновская армия отомстила за свое поражение тем, что оставила после себя несчетное количество солдат, лекарей, сапожников, которые испортили нам все поколение”⁴¹. В устах такого писателя, как Соллогуб, это может служить похвалой французским пленным в России.

⁴⁰ Там же. Л. 8 об.

⁴¹ Соллогуб В.А. Тарантас: Путевые впечатления. СПб., 1886. С. 219.